Когда Сакура очнулась - резко, болезненно, с внезапным приходом в себя, с колотящимся сердцем, но слишком тяжелыми конечностями, - она обнаружила, что находится в клинике. Кто-то переодел ее в свободную рубашку и шорты, которых она не помнила, и, учитывая то, насколько лучше она пахла, вероятно, помог ей привести себя в порядок. Она удобно устроилась в полулежачем положении - кто-то позаботился об удобных подушках. Ее пальцы неуверенно поднялись к ключице, ими двигало нездоровое любопытство, но тут ее отвлек шум.

Взглянув налево, она увидела Какаши-сенсея, удобно расположившегося в кресле с неизменным романом. Сакура на мгновение заинтересовалась, скорее всего, из-за вялости и отстраненности, которые, вероятно, указывали на сильное обезболивающее, читает ли он ту же книгу, что и всегда, или какую-то серию. Но эта мысль улетучилась, когда он заговорил.

"Я бы не стал выпячивать это, Сакура-тян. Доктор обещал снять с меня шкуру, если ты наложишь швы. Когда мы вернемся в деревню, на это посмотрят нины-медики. Скорее всего, они скажут, что рана на твоем лице косметическая, и деревня не будет оплачивать или организовывать лечение в этом случае, но шрамы, которые могут помешать твоей работе, - это то, к чему они относятся очень серьезно. Так что пока потерпите, ладно?"

Сакура опустила руки на колени, хотя желание исследовать это все еще было сильным. Хотя, подумала она, если учесть, что в последний раз, когда я смотрела на него и трогала, меня вырвало, то, наверное, лучше оставить все как есть.

Она долго молча рассматривала свои руки: вывихнутое запястье было свежезабинтовано, вторая ладонь перевязана в том месте, где она порвала ее о кабель. Сакура и раньше получала мозоли и синяки, сдирала кожу на костяшках пальцев во время тренировок, но это были ее первые серьезные травмы.

И они были такими уродливыми. Казалось бы, это не должно иметь значения, но это имело. Все учителя в ее классах куноичи - ну, не все они были гламурными и чувственными, но ни у кого из них не было шрамов. Несмотря на то, что ее волосы были такими же длинными, как у Ино, они были намного грубее, какими бы средствами она ни пользовалась. Она и так была в невыгодном положении из-за широкого лба и полного отсутствия специализации. Теперь же она могла просто признать свое поражение. Сасуке-кун никогда бы...

"С Сасукэ-куном... с Сасукэ-куном все в порядке?" - спросила она, внезапно вспомнив, как избито он выглядел. Это было впервые, когда образ неприкасаемого был так сильно опровергнут.

Какаши-сенсей наклонил голову к экрану, на котором горел свет. "Сасукэ отходит от боя. Ничего такого страшного, как у тебя. В основном, истощение чакры, немного болят мышцы и небольшие синяки от сенбона, так что дайте ему два-три дня, и он будет как новенький".

Сакура немного расслабилась от этой новости, но Какаши-сенсей так же быстро вновь заставил ее напрячься. Не глядя на нее, он сказал: "Сакура-ча, ты же знаешь, что после первого убийства ты должна с кем-то поговорить. Будь то я или один из советников".

Руки Сакуры сжали тонкую обложку, превратив ее в массу морщин на коленях. Морщины, которые она собиралась тщательно разгладить, как только ослабит хватку. "...да", - сказала она очень тихо.

"Я собирался предоставить тебе самой решать, - сказал Какаши-сенсей, - когда ты будешь готова. Но после последней битвы на мосту... ну, с такой безрассудной храбростью я не мог гарантировать, что в любой момент ты не будешь просто улыбаться на собеседовании. На мгновение ты чуть не довела сенсея до инфаркта".

Сакура вздрогнула, словно ей дали пощечину, потому что, хотя она и не знала, сможет ли вынести рассказ незнакомца о тех отчаянных сражениях, храбрость действительно не играла никакой роли. "...Я боялась, Какаши-сенсей".

"Я знаю. Но что бы ты ни думал, это не повод для стыда. Нужно обладать определенной мудростью, чтобы понять, что есть бои, которые просто невозможно выиграть. А смелость - в том, чтобы действовать, несмотря ни на что. Ты не замерз и не ждал, пока я тебя спасу. А если бы ты был трусом, то не взял бы с собой Тазуну", - заметил он. "Разве не проще было бы сбежать самой?"

Сакура по-прежнему отказывалась смотреть на него. "Я не доверяла тебе, что ты меня спасешь", - призналась она не без чувства вины.

Какаши-сенсей захихикал. "Признание того, что твой джоунин-сенсей тоже человек, - нормальный шаг во взрослении. Просто ты поняла это немного раньше, чем большинство. И, если честно, я, возможно, был немного грубоват в нашей последней беседе. Я практически запретил тебе полагаться на меня в том же разговоре, в котором сказал, что приду и спасу тебя. А вот за выполнение гендзюцу - полный респект".

Сакура взглянула на него, но он лишь перелистнул страницу. Это одновременно и раздражало, и успокаивало: теперь она знала, что из себя представляет Какаши-сенсей, и не была уверена, что захочет снова привлекать его внимание. Поэтому она вернулась к своим рукам, которые снова привели в беспорядок покрывало. На этот раз, вместо того чтобы разгладить их, она просто тупо уставилась на них.

Какаши-сенсей, похоже, воспринял это как приглашение.

"Уверен, в Академии тебе читали много лекций о разнице между личной инициативой и действиями по приказу. Одно отражается на вас, другое - на деревне. За одно отвечаешь ты, за другое - Хокаге. Если ваше поведение соответствует кодексу поведения шиноби, а действия, которые вы предприняли, - параметрам вашей миссии, то в Хи-но Куни не найдется ни одного суда, который бы поддержал любое обвинение против вас. Но, - он сделал небольшую паузу и с тихим шелестом закрыл книгу, - это не отменяет того факта, что нет закона, достаточно сильного, чтобы позволить вам избежать суда собственной совести. Или такого, который избавит вас от осуждения других". В нем чувствовалась старая, тяжелая горечь. "Некоторые решают эту проблему, соединяя свою совесть с приказами. Другие учатся не обращать

внимания. А другие всегда будут заботиться слишком сильно. Но позволь мне сказать вот что, Сакура-тян. На этой миссии ты не сделала ничего такого, за что тебе было бы стыдно".

Это спокойное, прямое заявление, казалось, сломило в ней какую-то решимость. Она почти кричала: "Я подожгла человека. Обмазала его смолой, а потом подожгла. И его крики - я до сих пор слышу их в своих снах. Но даже это не остановило его. Он просто продолжал приходить. Как будто он был каким-то чудовищем, его плоть пузырилась и шелушилась, а он все приближался, и огонь не гас, и он собирался убить меня, и, ками-сама, я до сих пор вижу его глаза. И я... я убил его. И его напарника. И человека на яхте".

Она сердито повернулась к Какаши-сенсею, не обращая внимания на то, что от этого поворота болит рана на ключице. Все вокруг болело и горело.

Но он лишь задумчиво смотрел на нее. "Ты убила их, потому что они пытались убить тебя. И Тазуна, который не сделал ничего хуже, чем встал на пути жадности одного человека. Может быть, в их смерти и было какое-то облегчение, но ты не собирался делать это, потому что находил в этом радость или удовольствие. Все это не делает тебя плохим человеком, Сакура".

"Но огонь..." Даже сейчас ей казалось, что она чувствует запах смолы, жира и готовящегося мяса, и короткая волна воображаемого жара билась о ее кожу.

"Даже многие джоунины не любят использовать огонь в качестве чего-то, кроме отвлекающего маневра", - перебил ее Какаши. "Это не очень чистый способ убийства, и, честно говоря, не очень эффективный без очень сильного дзюцу или специальной подготовки, но ты работала с тем, что у тебя было. И в этом нет ничего постыдного. Я не думаю о тебе хуже за то, что ты это сделал.

"Но если бы ты позволил им убить всех на том мосту, это бы сделало тебя отбросом. Иногда нам приходится делать выбор, который нам не нравится, но я думаю, что ты сделал правильный выбор. И теперь, надеюсь, мы заслужили достаточную отсрочку, чтобы вы могли сделать другой выбор. Хотя часть меня приветствует твою готовность броситься с высоты, не имея оптимального представления о манипуляции чакрой, я думаю, мы можем что-нибудь с этим сделать", - сказал он, сморщив глаза в знакомом, едва заметном снисходительном веселье.

"Это может помочь, - предложил он гораздо более мягким голосом, - со снами".

Очень медленно Сакура кивнула. До этого момента она не замечала, что снова плачет, но, вытерев слезы, вздрогнула.

"Сломанный нос", - напомнил ей Какаши-сенсей. "Часть отека спала, но он все еще будет очень болезненным. Похоже, следующие несколько дней тебе придется спать дома".

Затем он наклонил голову, и его зрачок скользнул к экрану, на который он указывал ранее. "Не

очень-то приятно подслушивать, Сасукэ. Особенно когда ты спишь". Его голос полностью сменил тональность, став гораздо жестче и резче, чем когда он обращался к Сакуре.

Сакура замерла, и в комнате воцарилась выжидательная тишина, которую нарушил Сасукэ-кун, все еще выглядевший очень побитым, но уже не таким измученным. Его взгляд обвиняюще скользнул от Какаши-сенсея к Сакуре, и та, пригнув голову, пожелала найти свой шемаг. К сожалению, он, вероятно, отправился в путь вместе с остальной одеждой, что, как она подозревала, означало, что его выбросили на помойку.

"О чем ты говоришь?" - грубо потребовал он. "Что случилось?"

http://tl.rulate.ru/book/100569/3438640